

ISSN 0130 — 1527

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1990

3

1990

3

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Михаил Попов

АК-ПАША—«БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ»

СКОБЕЛЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проходят столетия, но мысли и дела замечательных людей не знают смерти, они передаются из рода в род. Среди военных вождей русского народа стоит имя Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882), который был не только полководцем, но и обладал редким даром незаурядного психолога. Солдаты звали его «белым генералом» как постоянно выезжавшего безбоязненно на белом коне, в белом кителе и в белой фуражке, и представлявшего для неприятеля прекрасную цель. Вопрос: зачем так бравировал умный, расчетливый М. Д. Скобелев? Ответ: чтобы действовать на войска, импонировать им своим бесстрашием.

Среди множества храбрецов наполеоновских войн только два человека, помимо, естественно, Наполеона, выделялись своим исключительным бесстрашием. Это были Мюрат и Милорадович. И тот и другой гарцевали впереди чепей.

М. Д. Скобелев — натура сильная, могучая и решительная, всегда и во всем отличавшаяся своею необычною энергией, силой ума и проныцательностью. По единодушному свидетельству современников и сослуживцев, стоило с ним провести полчаса, как человек поддавался его влиянию, его умению подчинять себе других.

Окончив в 1868 году Академию Генерального Штаба, М. Д. Скобелев по его настойчивой просьбе был направлен в Туркестан, где сделал блестящую карьеру: приехал туда капитаном, а через восемь лет уехал в чине генерал-майора, награжденным золотым оружием и орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степеней.

Михаил Дмитриевич Скобелев покинул Среднюю Азию в связи с началом русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

* * *

Предки Скобелевых считались однодворцами, оставаясь неизвестными до тех пор, пока один из них, а именно — Никита Скобелев, будучи призван на военную службу, дослужился до чина

сержанта. Выйдя в отставку, он поселился на своей родине, в Симбирской губернии Ставропольского уезда, в селе Озерках. В семидесятых годах XVIII века он женился на Татьяне Михайловне Уваровой, дворянская фамилия которой была широко известна в Симбирской губернии. Никиту Скобелева по праву можно считать родоначальником своей фамилии, представители которой, в числе трех последующих поколений, прославили ее. Дед М. Д. Скобелева, Иван Никитович Скобелев (1778—1849), за отличие в Отечественной войне 1812 года награжден был Георгием 3-й степени и записан шефом Рязанского полка. Он дослужился до генерала от инфантерии, был комендантом Петербургской крепости и писателем, рассказы и драматические сочинения которого в свое время пользовались успехом.

Отец М. Д. Скобелева — Дмитрий Иванович Скобелев (1821—1879) — за участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов тоже получил Георгия 3-й степени. Таким образом, этот род в трех коленах давал России почти на протяжении столетия храбрых воинов.

Далеко незаурядной была и мать Михаила Дмитриевича — Ольга Николаевна, урожденная Полтавцева. Она горячо любила своего единственного сына Михаила, навещала его даже в походах. После смерти мужа (1879 г.) Ольга Николаевна посвятила себя делу помощи больным и раненым и отправилась на Балканский полуостров, где и стала во главе болгарского отдела Красного Креста. Ею был открыт в Филипполе (ныне Пловдив) приют для 250 детей, а также приюты и школы в других городах Болгарии и Восточной Румелии. В 1880 году она была ограблена и убита под Филипполем разбойниками.

* * *

Михаил Дмитриевич Скобелев родился в Петербурге 17 сентября 1843 года. С детских лет воспитывался в Париже, в частном пансионе Де-

зидерия Жирарде. Родители желали, чтобы он закончил свое образование в России.

Получив прекрасное домашнее воспитание и образование, М. Скобелев в 1861 году поступил в Петербургский университет, но во время возникших там беспорядков должен был его оставить. Будучи слушателем университета, он больше просиживал над военными науками, чем над лекциями профессоров.

Оставив университет, Михаил Скобелев поступает юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году производится в корнеты. Польское восстание 1863 года только разгоралось, и двадцатилетний корнет, выхлопотав перевод в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, оказался в действующей армии. Уже здесь юный офицер показал личную храбрость и незаурядные военные способности. После подавления польского восстания Скобелев возвращается в Петербург и поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и по ее окончании в 1876 году в чине капитана направляется на работу в Генеральный Штаб. Однако его тянуло на окраину, манила возможность приключений. И он отправляется в Среднюю Азию и на Кавказ, туда, где гремят пушки и пахнет порохом. Он верит в себя и сознательно ищет боевой школы. «Или меня убьют, или вернусь генералом», — говорил он своим товарищам.

Как известно, Средняя Азия давно привлекала к себе взгляды капиталистических хищников на Западе, в частности Англию, видевшую сферу своих интересов в Афганистане, Туркестане и Индии. И, понимая возможность английской экспансии, народы Средней Азии выражали свое беспокойство по этому поводу и видели в России единственного заступника от посягательства «владычицы морей» на их суверенитет. Однако единодушия и по этому вопросу среди местных ханов не было.

Понимали специфическую сложность положения своих азиатских соседей и царские власти, которые также, естественно, стремились не допустить Англию приблизиться к своим границам на Востоке.

В 1869 году, приехав в Туркестан, М. Скобелев принимает участие в боевых действиях генерала Абрамова на бухарской границе. Позже (в 1870 году) получает назначение на Кавказ и числится (с 1871 года) при полковнике Н. Г. Столетове в Закаспийском крае, подчинявшемся тогда наместнику Кавказа. Здесь молодой инициативный офицер Михаил Скобелев произвел скрытую и опасную рекогносцировку Саракамыша. России предстояло завоевать Среднюю Азию, на территории которой находились три феодальных ханства: Коканд, Бухара и Хива.

После занятия войсками генерала Черняева Ташкента в 1865 году на завоеванной территории была создана Туркестанская область, подчиненная вначале оренбургскому генерал-губернатору, а в конце 1867 года из нее было образовано Туркестанское генерал-губернаторство во главе с генералом К. П. фон-Кауфманом, имевшим права объявления войны и заключения мира с окружающими ханствами.

В начале 70-х годов был образован Закаспийский военный отдел с центром в Красноводске (основанном русскими войсками генерала Н. Г. Столетова в 1869 году), и это укрепило положение России на восточном побережье Каспийского моря и создало благоприятные условия для продвижения в глубь Туркмении и Хивы — страны, раскинувшейся на востоке за Каспийским

морем. Походы на Хиву совершались и ранее. Первый военный поход русских против нее был предпринят в 1717 году, в царствование Петра I, под начальством капитана князя Александра Бекovichа-Черкесского. Затем был совершен поход в Хиву в 1839—1840 годах графом В. А. Перовским в царствование Николая I. Правительство Александра II решило окончательно покорить беспокойную Хиву.

В 1870-х годах генерал-губернатор Туркестана К. П. фон-Кауфман потребовал, чтобы Хива признала свою зависимость от России. Однако хивинский хан, следуя внушениям своих советников, не только не исполнил предложенных ему условий, но даже не удостоил ответом генерал-губернатора. Тогда в 1873 году русское правительство организует поход на Хиву. Одновременно туда двинулись два отряда: из Ташкента под начальством генерал-губернатора Туркестана К. П. фон-Кауфмана и из Оренбурга и Мангышлака под руководством генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина.

Хива — сердце пустынь Средней Азии. Отсюда расходятся бесчисленные караваны в кочевья туркмен, киргизов, каракалпаков, узбеков и других бесчисленных племен, кочующих в песках. Поразить Хиву — значило поразить все пески, подчинить себе все обитающие в них племена. Хивинцы были уверены, что Хива недоступна ни для кого. Окружные пески лучше всяких крепостей ограждали Хиву — и город, и самый оазис — от вторжений извне.

Хива с виду представляла собою красивый, оригинальный город. Его стены с башнями были высоки. Ворота крыты также тяжелыми башнями по бокам. Из-за городских стен высаты купола мечетей и минаретов. Всюду зелень, сквозь которую мелькают белыми стенами городские здания. Но такова Хива издали. Если побывать в ней, она представляется совсем иному. Во всем городе найдется не более трех-четыре строения, возведенных по какому-то плану. Все остальное — хаотичное нагромождение глиняных мазанок.

В Хиве две стены: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стена с частью города образует citadelle. За этой стеной находятся ханский дворец, большая башня, несколько медресе, и почти все общественные здания. Стена защищена четырьмя башнями, и сооружение ее относится к глубокой древности. Citadelle и есть древнейшая Хива. Наружная же стена построена в 1842 году, когда Хива воевала с Бухарой.

Улицы Хивы узки и часто не превышают в ширину трех-четыре метров. Дома выходят на них своими задними фасадами, грязными, голыми. Но невзрачны дома хивинцев только извне. Внутри же они устроены так, что удовлетворяют всем требованиям неприхотливых хозяев. Зимой они теплы, в летний зной держат прохладу.

Самым великолепным и в то же время священным зданием Хивы была мечеть Палвана-Ата — святого мусульманина, почитаемого патроном города и хивинского ханства.

Долго раздумывал генерал Н. А. Вевекин, прежде чем решиться на штурм Хивы. Нападение хивинцев в мае 1873 года уверили его в том, что туркестанский отряд генерала К. П. фон-Кауфмана находится все еще далеко. В полдень 28 мая штурмовые колонны приблизились к стенам города, но штурма не произошло. Хивинцы стреляли по русским из своих крепостных пушек, русские отвечали им ружейным огнем. Генерала Вевевкина сдерживало известие о приближении к Хиве сильного отряда туркестанских войск.

Действительно, известие оказалось верным: отряд генерала К. П. фон-Кауфмана показался в виду города с южной стороны и сделал привал. Хивинский монарх Сеид-Мухамед-Рахим-хан отправил к генерал-губернатору посла и через него заявил о своем согласии отдать Хиву и все свое ханство на милосердие русского «белого государя». Однако ночью большая часть хивинцев, прибывшая сюда из пустынь для защиты крепости, объявила хану Сеид-Мухамед-Рахиму, что они не сдадутся и будут биться до последней возможности. Дело в том, что у хана оказались соперник, желавший занять ханский престол — Атаджан-тюря. Спасая свою жизнь, Сеид-Мухамед-Рахим бежал. Обстановка осложнилась.

День уже разгорался, становилось жарко. Как было условлено, русские войска подошли к открытым для них Хазараспским воротам. В это время Скобелев и его помощник молодой граф Шувалов, стоявшие со своим отрядом у Хазаватских крепостных ворот, узнают, что часть хивинцев не желает сдачи города и не собирается открывать ворота. Тогда Скобелев приказывает сбить Хазаватские ворота пушечными выстрелами и во главе тысячного отряда бросается на приступ. Граф Шувалов был серьезно ранен и выбит из строя. Но Скобелев под жестокими выстрелами продолжал вести солдат вперед и вперед. Он остановился в своем порыве только тогда, когда дошел до ханского дворца. Здесь он получил приказание фон-Кауфмана прекратить бой. Постепенно все утихомирилось.

В два часа дня 29 мая 1873 года русские войска под звуки военной музыки с развернутыми знаменами торжественно вошли в окончательно покорившуюся крепость. Так после пяти неудачных попыток завладеть Хивой, она, наконец, пала.

2 июня 1873 года бежавший хан вернулся в Хиву и явился к генералу К. П. фон-Кауфману с открытой повинной. Туркестанский генерал-губернатор «милостиво» объявил ему, что «Великий белый царь» не желает свергать хана и оставляет его по-прежнему правителем Хивы, но при условии, естественно, мирного договора, который будет с ним подписан.

Так Хива оказалась в руках царской администрации. Под зеленью ее садов сошлись, наконец, три отряда, одолевшие непроходимые безводные пустыни, защищавшие Хиву более надежно, чем все первоклассные крепости.

И все же главнокомандующий генерал К. П. фон-Кауфман выразил М. Д. Скобелеву свое возмущение устроенным им штурмом Хазаватских ворот без его ведома и без особой необходимости. Однако заступничество генерала Н. А. Вревкина избавило молодого и не в меру энергичного офицера от дальнейших неприятностей.

Хивинцы примирились со своею участью. Они ожидали, что победители разгромят завоеванный город и истребят всех его жителей. Но этого не произошло. Хан Сеид-Мухамед-Рахим восстановил порядок и согласился навсегда в своем ханстве уничтожить рабство.

За отличия в Хивинском походе 1873 года М. Д. Скобелев был награжден золотой саблей «за храбрость», крестом святого Георгия 4-й и 3-й степеней, золотой шагой, усыпанной бриллиантами. Ему было присвоено звание полковника. В следующем, 1874 году М. Д. Скобелев был откомандирован в Южную Францию для изучения партизанской «карлитской войны». (Там шла борьба за испанскую корону.) По воз-

вращении из Франции он продолжил свою военную службу в Туркестане.

Теперь М. Скобелев принял деятельное участие в Кокандской экспедиции 1875—1876 годов. Когда царские войска приступом овладели сильной крепостью Махрамош, ошеломленные кокандцы стали отступать, надеясь дать отпор на новых позициях. Однако М. Скобелев, помня основное правило полководца — не давать отступающему неприятелю укрепиться, — во главе своего конного отряда атаковал кокандцев и нанес им поражение. А вскоре русские войска без боя заняли столицу ханства Коканд.

Смелые и решительные действия М. Скобелева были оценены по заслугам. Он был произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту Его Императорского Величества. В это время ему шел только 32-й год. Молод был Михаил Дмитриевич для генеральского чина, но эта молодость его была лучшим свидетельством того, что отличия достались ему не даром, а были заслужены трудами и подвигами.¹

Два месяца хан Абдурахман скитался по степям и, наконец, явился с повинной и был сослан на житье в Россию. Кокандское ханство было присоединено к России и стало называться Ферганской областью. Первым губернатором Ферганы был назначен Михаил Дмитриевич Скобелев.

Дорожа народной репутацией, Скобелев вывесил около своего дома, а затем на площадях и базарах, объявление о приеме просителей каждый день. Он высоко поднял здесь престиж русского государства. Во время своего кратковременного (годового) управления областью М. Д. Скобелев объехал ее несколько раз, проявляя огромный интерес к жизни и быту местного населения, стремясь установить с ним контакт и взаимопонимание.

Лучшим способом привлечь к себе местное население «белый генерал» считал обеспечение его безопасности под русским государственным флагом.

Фергану, похожую на яйцевидную впадину, со всех сторон окружают двойными и даже тройными рядами высокие горы. Но между грядками есть долины, на которых дехкане выпасают свои стада. Такова усеянная цветами долина Алая (Рай).

Обитали в этих местах кара-киргизцы, главным богатством которых были курдючные овцы и лошади. Страною этой правила мудрая царица Курбан-джан-датха. Кокандский хан в свое время пытался было обложить кара-киргизцев данью, но датха отстояла вольность своего народа.

Когда Кокандское ханство было разгромлено, сподвижники Абдурахмана бежали на Алай. Там они объединились в отряды и нередко беспокоили своими нападениями население долины. Тогда М. Скобелев выступил против них и разбил наголову. Это была его последняя битва в Туркестане. Когда была объявлена война Турции, М. Скобелев отбыл на Балканы.

Проводы его в Фергане были очень сердечными. Население ценило его беспристрастие, отзывчивость и отсутствие рутин в управлении областью.

Восьмилетняя деятельность М. Скобелева в Средней Азии стала примером вдумчивого,

¹ К этому времени относится его женитьба на княжне М. Н. Гагариной, однако он с нею развелся; детей у них не было.

демократичного, гуманного правления в этом многонациональном, сложном крае. В войне за освобождение Болгарии он прославился в боях под Плевной, во время форсирования Дуная и в особенности при переходе через Балканы и в сражении Шипка-Шейново. В феврале 1878 года М. Скобелев занял Сан-Стефано под Стамбулом и вынудил турецкое правительство капитулировать. Этим он приобрел чрезвычайную популярность в России и особенно в Болгарии, где во многих городах его именем были названы улицы, площади и парки. За вклад в дело победы над Турцией, пятьсот лет угнетавшей болгарский народ, М. Скобелев был записан в 1878 году в императорскую свиту с чином генерал-адъютанта. Тогда ему еще не исполнилось и 35 лет.

Два года спустя «белый генерал» снова оказался в Средней Азии.

Занятие побережья Красноводского залива, установление протектората над Хивой и Бухарой, а также ликвидация Кокандского ханства привели к распространению влияния России на значительную часть Туркмении. Часть последней, а именно — область между Каспийским и Аральским морями, песками Сам на севере и рекою Атрек на юге, составляла тогда Закаспийский отдел русских войск. Вопрос о подчинении остальной части Туркмении возник в связи с англо-афганской войной 1878—1880 годов. Под страной Туркмения разумелось обширное пространство, ограниченное с запада Каспийским морем, с юга персидскими и афганскими, с северо-востока бухарскими и хивинскими владениями и с севера Мангышлакским полуостровом. Племя теке было уже полуоседлым. Во всех поселках текинцев насчитывалось до сорока тысяч кйбиток. Кроме подножия Кюрек-дара, текинцы еще жили независимо в Мерве, на реке Мургабе. Царское правительство решило воспользоваться сложившейся ситуацией и покорить текинцев. Из Красноводска была отправлена военная экспедиция в Ахал-Текинский оазис с целью овладения его укрепленным центром Геок-Тепе. Однако без достаточной подготовки и продуманного плана. Двадцатитысячный корпус генерала Лазарева выступил из Красноводска в июле 1879 года, но штурм провалился с большими жертвами.

Правительство понимало, что неудача в Геок-Тепе неизбежно отзовется на положении всего Туркестана, и этим воспользуется Англия, заключившая 10 июня 1880 года договор, по которому афганский эмир Абдурахман признал свою зависимость от нее. Правительство Александра II решило во что бы то ни стало покорить Туркмению и выполнить эту задачу поручило «белому генералу», славившемуся умом и решительностью. Его предшественники на этом поприще, генералы Лазарев и Тургукасов, как бы подняли дух текинцев после неудачного похода 1879 года. На всех базарах Средней Азии были уверены, что русские войска, когда пойдут в поход, будут разбиты.

Опорным пунктом движения русских в Ахал-Текинский оазис стал Чингишляр. Это старая полуразрушенная не столько людьми, сколько временем текинская крепость на восточном берегу Каспийского моря. Уже давно, когда еще русские только стали утверждаться в песчаных пустынях, остатки крепости были превращены в наблюдательный пункт. Появились кое-какие строения, замелькали «белые рубахи» «кавказ-

цев», почти непрерывно слышался рев верблюдов.

Вместе с М. Скобелевым прибыл в Чингишляр и начальник его штаба полковник Николай Иванович Гродеков; один по одному собирались офицеры, и скоро заброшенный пост закипел веселым оживлением. Замечательная белая лошадь М. Скобелева была привезена на пароходе и спущена в море, чтобы сама доплыла до берега. Впоследствии Михаил Дмитриевич признавался, что он сделал это из-за предрассудка: если лошадь доплывает до берега благополучно, то ахал-текинская экспедиция закончится удачно.

«Белый генерал» вставал в четыре часа утра, являлся со своим адъютантом Баранком на кухню, когда ротные котлы только начинали ставить на огонь, проверял сам мясо, круп, пробовал хлеб; ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу и лично опрашивал фельдшеров о числе тяжело больных солдат. На базах «шла нагрузка» ночью, с фонарями, куда очень часто являлся и Михаил Дмитриевич, приговаривая: «Буду я, будет на работе и офицер, и смотритель вернее весь выйдет, да и солдату веселее пойдет работа». Ко времени прибытия М. Скобелева в Закаспийский край у текинцев особенно выдающимся лицом был Тыкма-сердар, который раньше принимал участие в переговорах текинцев с русскими. Имя Тыкма-сердара гремело среди русских войск как непобедимого. Михаил Дмитриевич опасался этого имени, но по возможности старался его игнорировать.

В связи с походом в Ахал-Текинский оазис началась постройка первой линии железной дороги от побережья Каспийского моря в глубь туркменских степей. Строилась она по стратегическим мотивам.

Поход в самое сердце Туркмении, где скопилось все текинское племя, еще только налаживался, когда М. Скобелев взял с собой восьмью человек и выступил с ними из попутного укрепления Баи в 120 верстах от Геок-Тепе. Это было среди лета (5 июля 1880 года), солнце накаливало землю. На другой день вечером отряд остановился за двадцать верст от крепости на отдых. Проиграли зорю. Еще до рассвета, под музыку, отряд подошел к селу Янги-Кала, откуда уже была видна и сама крепость. Толпа текинцев на своих конях вынеслась из засады — их осыпали ракетами и картечными гранатами. Колонна двинулась дальше. Новый наскок — колонна остановилась, дала залп, и опять шибко пошла под веселый марш. Пешие текинцы засели в селении. Пока их выбивали, чертежник снял план, и колонна повернула назад. Около девяти тысяч конных текинцев кружили, как пчелы, но ничего не могли сделать: скобелевцы стреляли вперед, вправо и влево. Во время ночлега полторы тысячи самых отчаянных наездников подкрались к биваку; два отряда пеших текинцев подползли на 80 шагов с разных сторон, но там, на биваке, была такая тишина, что текинцы смутились. Они надеялись вырезать всех до единого. Утром, после зоревых выстрелов гранатой, музыканты проиграли «Коль славен», потом «Боже царя храни», а текинцы стояли в то время уже на горах и дивились тишине и порядку в рядах «уруса». Когда Тыкма-сердар узнал, что в отряде находился сам «белый генерал», он страшно досадовал, что не удалось его пленить. Текинцы побаивались «Ак-пашу» (Скобелева) и говорили, что будь другой на его месте, они бы непременно справились с «урусом». Так зна-

комился Скобелев с неприятелем, изучал его сильные и слабые стороны.

Чтобы овладеть опорным пунктом для атаки Геок-Тепе, М. Скобелев решил занять кишлак Янги-калу (кала — укрепление), лежащий перед крепостью на правом берегу многоводного ручья Секиз-Яб. Кишлак этот состоял из группы кал (укреплений), разбросанных в беспорядке на полях. Еще летом этого же (1880 года) Янги-кала представляла собой сплошной сад, но текинцы вырубали почти все фруктовые деревья на топливо и на устройство подземных помещений. От Янги-кала до Геок-Тепе было менее версты.

М. Скобелев решил занять группу кал, именуемых великокняжескими. Кал этих было три, из них главная находилась в сотне саженой от крепости. Позиция эта представляла много выгодных прикрытий и была необходима для минных работ.

Был один из самых знойных дней августа, когда жара в Бами доходила до 45 градусов. М. Скобелев и начальник его штаба полковник Н. И. Гродеков восемь часов подряд спорили и доказывали один другому — можно ли перейти в наступление и двинуться ближе к стенам Геок-Тепе. Скобелев хотел в сентябре форсировать движение вперед, но начальник штаба Гродеков приводил данные, что не все еще к тому готово. Полковник Гродеков в этой экспедиции был разумным «регулятором» подчас слишком смелых военных порывов Михаила Дмитриевича. В конце концов Скобелев согласился с доводами Гродекова и приступил к скорейшему окончанию подготовительных работ для штурма. Сентябрь и первую половину октября он провел в Красноводске, занимаясь там хозяйственными делами. Было заготовлено на зиму теплое обмундирование для всего отряда, наняты девять тысяч верблюдов, сделаны новые запасы продовольствия. Затем отряд двинулся в глубь оазиса, к Геок-Тепе.

На рассвете 30 ноября был занят пункт Еган-батыр-кала, в девяти верстах от Геок-Тепе.

Первого декабря, в обед, М. Скобелев получил с нарочным экстренное донесение, что 25 ноября партия текинцев напала на транспорт подрядчика Громова, перебила прикрытие и отбила 3000 верблюдов.

Это грустное известие встревожило «белого генерала», и он разом сделался суров, строг, молчалив, к тому же в это время у него была сильная лихорадка.

18 декабря прибыла в Еган-батыр-кала последняя колонна, 19-го пришла вся кавалерия, и 20-го числа все войска двинулись к Геок-Тепе.

...Осада крепости длилась уже более месяца. Русский лагерь все ближе и ближе продвигался к неприятельской стене.

Серенкое, пасмурное утро 12-го января 1881 года началось горячей схваткой колонны полковника Гайдарова у мельницы.

Десять батарей залпами стали осыпать из семидесяти орудий гордо стоявшую крепость. Воздух сделался белым от порохового дыма. Тысячи кибиток были разнесены гранатами в щепы и клочья. Артиллерийская брешь была готова. Геройски бросились текинцы заделывать ее, но их оттеснили шрапнелью. Солдаты ворвались в брешь, несмотря на град пуль и массу громадных камней, брошенных со стен. Повсюду шла ожесточенная борьба. Героизм был взаимный, но войска все же сломали хотя и храброго, но менее подготовленного и менее вооруженного неприятеля.

Фон-Кауфман поспешил уведомить Петербург о том, что экспедиция закончилась благополучно и что русские войска направляются в места постоянной дислокации.

М. Д. Скобелев обратился с воззванием:

«Народу Ахала»

Брат великого русского государя, наместник Кавказский, которому отныне подчиняется народ Ахал-Теке, в безграничной заботливости своей о вверенных его попечению народах, прислал сюда свое доверенное лицо, которому поручил узнать все нужды текинцев.

Наместник приказал выдать наиболее нуждающимся жителям хлеб, что и исполняется.

Уверен, что население оценит эту милость.

Благодарные люди вернулись на свои места. Но есть еще слабые люди, которые слушают разных проходивцев и не селятся в Атеке. Предваряю их, что я назначаю срок, к которому они должны поселиться в оазисе. Все неявишиеся к сроку будут сочтены изменниками и бунтовщиками. А я, вы знаете, двух слов не имею.

Генерал-адъютант Скобелев»².

Действия и личность М. Скобелева произвели на местных жителей такое впечатление, что они даже подослали убийцу, совершившего неудачное покушение на «Гез-каллы» — кровавые глаза, как прозвали «белого генерала» текинцы.

Ахал-текинская экспедиция в жизни генерала М. Скобелева имеет очень большое значение. Здесь впервые он был главнокомандующим, хотя и небольшого отряда, ничем не связанным в своих планах. Он лично подготовил эту экспедицию, тщательно продумав все до мелочей. В этом походе проявились все сильные стороны М. Скобелева как полководца-организатора.

Вновь занятые земли Ахал-Текинского оазиса вместе с Закаспийским военным отделом составили Закаспийскую область с центром в городе Асхабаде, заново основанном рядом с аулом Ашхабад, но с подчинением Кавказскому наместнику, а не Туркестанскому генерал-губернатору. Царским властям с помощью подарков удалось привлечь на свою сторону туркменскую знать. Руководитель обороны Геок-Тепе Тымасердар, сын и преемник хана Ахала и Мерва Нурберди-хан-Махтум Кули-хан также прекратил сопротивление царским властям. Военный министр Д. А. Милютин приостановил дальнейшее движение войск М. Скобелева в глубь Туркмении, и Мерв пока остался независимым.

«Белый генерал», несмотря на свою щедрую широкую натуру русского человека, был в высшей степени расчетливым хозяином и экономистом. По собственной инициативе он за девять месяцев построил телеграфную линию в Ахал-Теке, от Чата до Асхабада, и хотя строительство это велось в военно-стратегических целях, объективно это способствовало расширению экономических, культурных связей этого края с государством, выводило его из многовековой изоляции. Строительство он провел исключительно экономичным способом. А отдай он строительство телеграфа в руки подрядчика, вся эта линия связи обошлась бы казне не менее ста тысяч рублей.

За взятие Ахал-Теке М. Скобелеву был пожалован орден Святого Георгия 2-й степени и чин генерала от инфантерии. Его именем был назван один из кораблей Каспийской военной

² Чанцев И. А. «Скобелев как полководец 1880—1881. Исторический очерк. С портретом, письмами и речами Скобелева». СПб, 1883, с. 40.

флотилии. По отзывам военных авторитетов, Ахал-Текинская экспедиция представляет образец военного искусства.

«Белый генерал» обладал редкой справедливостью по отношению к своим подчиненным. Он никогда не приписывал себе успеха того или другого дела, никогда не упускал случая выдвинуть на первый план своих ближайших сотрудников. Всякий раз, когда его благодарили, он и в частном разговоре, и при официальных торжествах заявлял прямо:

— Я тут ни при чем. Все дело сделано таким-то...

Несколько раз он при подобных случаях прямо указывал «виновника» данного успеха.

— Я вам, братцы, обязан! Это вы все сделали... Мне за вас дали мои кресты! — говорил он солдатам, и не только для того, чтобы воодушевить их.

Он действительно верил в громадное значение солдат, делал все для того, чтобы овладеть их сердцами.

Веря в себя, М. Скобелев верил и в другого. Вот как поступил он — «доверчиво» — с хитрыми текинцами. Несколько дней спустя после взятия Асхабада М. Д. Скобелев во время одной из разведок встретил значительную толпу конных текинцев.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Мирные теке! — отвечали они.

— Как я поверю этому, когда вы вооружены, — сказал Скобелев.

— Текинец никогда не лжет, — возразил гордо один из них.

— Хорошо, если так, вы проводите меня до Асхабада, — сказал Михаил Дмитриевич, и с этими словами отпустил свой военный конвой и отправился к городу, окруженный кучкой текинцев, которые несколько дней перед этим отчаянно дрались под Геок-Тепе.

М. Скобелев был не только выдающимся генералом, ведущим к победам русские войска, но и обладал редким даром психолога и воспитателя. За войной он признавал, главным образом, экономическое значение. Но в то же время он сознавал и весь ее вред, понимая ужасы, следующие за нею. Он смотрел на войну, как на печальную необходимость.

Находясь в Туркестане и Туркмении, М. Скобелев немало занимался вопросом возможного похода в Индию для ее освобождения от английского господства. Особенно подробно изложены им взгляды на этот вопрос в письме к одному из близких и влиятельных родственников в связи с назревшей тогда англо-афганской войной: «По моему мнению, — писал «белый генерал», — возможно и должно предпринять прыжок из Туркестана, в случае решительного разрыва с Англией, для торжества и величия России. Можно нанести Англии не только решительный удар в Индии, но и сокрушить ее в Европе. Все это, повторяю, при полном владении нами Туркестанским краем и совершенном обеспечении его в смысле операционной базы»³.

Итак, блестящая военная деятельность М. Скобелева в Средней Азии закончилась штурмом крепости Геок-Тепе и присоединением Туркмении к России, после чего «белый генерал» вернулся в Москву. Встреча победителя носила триумфальный характер. Свидетель этой манифестации московский генерал-губернатор князь

В. А. Долгорукий сказал по поводу этих торжеств: «Я видел Бонапарта, возвращавшегося из Египта».

Иной была встреча «белого генерала» в Петербурге. Александр III, только что вступивший на престол, после убийства его отца Александра II, отнесся к герою довольно сухо. М. Скобелев был назначен командиром 4-го корпуса, дислоцированного в Белоруссии со штабом в Минске.

12 января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе, М. Скобелев произнес горячую речь, носившую открытый панславистский характер, недвусмысленно направленную против политики Германии и Австро-Венгрии. В ней он, между прочим, сказал о прогрессивной роли России на Востоке.

У боевого «белого генерала» М. Скобелева, судя по всему, к этому времени была собственная детально разработанная программа перестройки всех сторон жизни России, в том числе ее внешней политики. Вскоре после этого выступления в Петербурге М. Скобелев по распоряжению Александра III должен был взять заграничный отпуск и отправиться в Париж, куда он и прибыл во второй половине января 1882 года.

Находясь в столице Франции, М. Скобелев дважды публично выступал в защиту балканских народов. «Белый генерал» открыто указывал на Германию как на врага номер один. Особенно резко эта мысль прозвучала в его выступлении во время встречи с сербскими студентами 5/12 февраля 1882 года.

В Париже М. Скобелев встретился с Леоном Мишелем Гамбетой, только что вышедшим в отставку с поста премьер-министра и министра иностранных дел Франции. Как известно, Гамбета руководил борьбой против клерикализма и попыток реставрации монархии.

Речи М. Скобелева, шумно комментировавшиеся во всей Европе, докатились до берегов Невы. Раздраженный Александр III приказал «белому генералу» вернуться в Россию. Военный министр П. С. Ванновский встретил его выговором, сделанным, впрочем, в мягкой форме. Благополучно обошлась и его встреча с самим императором, во время которой М. Скобелеву каким-то образом удалось отвести от себя его гнев.

Получив месячный отпуск, 22 июня 1882 года М. Скобелев выехал из Минска, где находился штаб 4-го корпуса, в Москву. По обыкновению, он остановился в гостинице «Дюссо», предполагая побывать в своем имении Спасское Рязанской губернии.

Утром 25 июня М. Скобелев дал знать И. С. Аксакову, что будет у него завтра и что сегодня обедают у барона Розена со своим адъютантом Баранком. За обедом Михаила Дмитриевича не покидало мрачное настроение.

— А помнишь, Алексей Никитич, — обратился Скобелев к Баранку, — что «слава человеческая, аки дым преходящий... подгулял поп, а хорошо сказал».

Вечером 25-го «белому генералу» захотелось найти забвение в кутеже. На углу Петровки и Столешникова переулочка была тогда гостиница «Англия», где жило много девиц легкого поведения, в том числе немка Ванда; она занимала роскошный номер и была известна всей кутящей Москве. В ее обществе и провел М. Скобелев последние часы своей жизни. Поздно ночью Ванда прибежала к дворнику и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Покойник был сразу узнан, и прибывшая полиция не-

³ Кашкаров Д. Д. «Взгляд на политику, войну, военное дело и военных». СПб, 1893, с. 9.

медленно переправила тело М. Скобелева в гостиницу «Дюссо», в которой он остановился.

Вскрытие производил прозектор медицинского факультета Московского университета профессор Нейдинг. В протоколе вскрытия было сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Однако никогда раньше на свое сердце М. Скобелев не жаловался, и потому мало кто верил в официальную версию. Как видно из воспоминаний современников, одни говорили об убийстве, другие о самоубийстве. Большинство склонялось к тому, что «белый генерал» был убит: пал жертвой германской ненависти. Приступив при его смерти немки Ванды придавало этим слухам достоверность⁴.

По другой версии М. Д. Скобелев был отравлен бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, пившей за здоровье «белого генерала». В этом случае дело объяснялось уже не немцами, а происками самого императора Александра III.

В. И. Немирович-Данченко утверждает, что генерал М. Д. Скобелев был убит агентами «священной дружины» по приговору, подписанному одним из великих князей и графом Б. Шуваловым, личным другом императора и влиятельным руководителем «дружины»⁵.

«Священная дружина», по мнению некоторых историков, совмещала в себе черты Третьего отделения, масонских лож и подпольных организаций. Состав ее центрального комитета неизвестен; вероятно, в него входили и сам император, и великий князь Владимир Александрович, бывший начальником Петербургского военного округа. Однако все это пока только гипотеза, не более.

В сущности, в самой смерти М. Скобелева не было ничего загадочного и ненатурального.

М. Д. Скобелев, по словам художника В. В. Верещагина, «забыл, что ему не двадцать лет». В обстоятельствах искусственной возбудимости сердца «белого генерала» не выдержало, и это совсем неудивительно. Его здоровье было не из крепких.

26 июня 1882 года Москва была взбудоражена молниеносно распространившимся известием: ночью в гостинице «Англия» скоропостижно умер Михаил Дмитриевич Скобелев. Народ день и ночь толпился у отеля «Дюссо». Когда гроб был поставлен в церковь Трех Святителей у Красных ворот, заложенную еще дедом покойника, мимо него в течение двух дней прошло более шестидесяти тысяч человек. В день выноса от церкви до Казанского вокзала все улицы, по которым следовала похоронная процессия, были заполнены народом. Такая же картина отмечалась и по всему пути следования траурного поезда от Москвы до Рязани. «Это было что-то до тех пор неслыханное, — вспоминает В. И. Немирович-Данченко. — Крестьяне кидали свои полевые работы, фабричные — оставляли свои заводы, и все это валило к станциям, а то и так, к полотну дороги... За Москвой на несколько

верст стояла густая масса народа. У самого полотна многие стояли на коленях. Все это под жаркими лучами солнца, истомившись от долгого ожидания. Уже с первой версты поезду пришлось поминутно останавливаться. Каждое село являлось со своим причтом, со своими иконами. Крестьяне служили по пути сотни панихид... Большая часть сел вышла навстречу — совершенно исключительное и небывалое явление⁶. Один из очевидцев этого горестного события заметил: «Это шествие триумфатора, а не похороны генерала».

К месту последнего успокоения тело М. Д. Скобелева сопровождали войска под командой генерала Дохтурова. Траурный поезд из пятнадцати вагонов с провожавшими прибыл 29 июня на станцию Раненбург. Здесь он был встречен крестьянами из села Спасского. Крестьяне разобрали венки, и печальное шествие пошло степной дорогой среди зеленых полей. У Спасского, у спуска на мост через реку, крестьяне пожелали нести гроб на руках: «С этого места мы и отца его, и мать носили на руках». Шествие с гробом прошло через усадьбу покойного, мимо небольшого дома, где он жил и перед которым была разбита клумба из золотистых цветков, изображавшая слова: «Честь и слава». В старой церкви села рядом с могилами отца и матери лег последний из Скобелевых, владелец Спасского. На этом прекратился род Скобелевых по мужской линии.

Вся русская пресса, газеты всех фракций и оттенков сочли своим долгом выразить народному герою и любимцу М. Д. Скобелеву свое последнее слово. Смерть постигла его, отмечали газеты, в самом цветущем возрасте уже на вершину славы, но еще не проявившем всех своих сил, и сделанное далеко не исчерпывало того, что еще он мог сделать, чего Россия могла ожидать от него. В порыве горя газета «Русь» имела полное основание воскликнуть: «Не живется на нашей Русской земле талантам, — только посредственности раздолье»⁷.

В дореволюционной России не было человека, который бы не знал имени Михаила Дмитриевича Скобелева. На базарах Турции и Туркестанского края долго еще говорили про «белого генерала» (Ак-пашу).

И прославился он не тем только, что был храбрейший из храбрых. Этого еще мало, чтобы стать подлинно народным героем. Он был искусный военачальник и добрый человек.

Память народного русского героя была увековечена многими памятниками, разрушенными в советское время. В день 25-летия его кончины Новый Маргелан был переименован в «Скобелев». Воздвигнутый в 1912 году в честь увековечивания подвигов «белого генерала» красивый и выразительный памятник в Москве (по модели Е. А. Лансере в исполнении скульптора Шопена) был снесен, и на его месте ныне высится памятник Юрию Долгорукому — основателю Москвы.

В 1993 году исполнится 150 лет со дня рождения народного героя.

Эта дата, хочется верить, послужит поводом для того, чтобы вспомнить об исторической роли М. Д. Скобелева в судьбах России, в судьбах Запада и Востока.

⁴ Марков В. Л. Из воспоминаний о «белом генерале». — «Русская старина», 1913, февраль, с. 436.

⁵ «На кладбищах. Воспоминания». Ревель, 1921, с. 69.

⁶ Немирович-Данченко В. И. «Скобелев», ч. II, СПб, 1903, с. 126—127.

⁷ «Русь», 1882, № 26.

Звезда Востока 1990 г.

Статья Михаила Попова «Ак-паша» — «Белый генерал» (Скобелев в Средней Азии), («Звезда Востока», № 3, 1990 г.) вызвала резко отрицательное отношение национальной интеллигенции Узбекистана. Секретариат Союза писателей республики обязал редакцию опубликовать статью Хуршида Даврона, рассматривающего личность Скобелева и знаменитого живописца Верещагина с иных, нежели Попов, позиций. Публикуя эту статью, редакция просит читателей высказать свое мнение по существу затронутой в ней проблеме.

Хуршид Даврон

ЗАВОЕВАТЕЛЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ГЕРОЕМ

Воцарившись, идеология становится верой, потом — обычаем. Она эрозирует, стареет, погрязает в быту, притупляется. Она уже испытывает нужду в щекочущих воспоминаниях.

О. Сулейменов

Очерк Михаила Попова «Ак-паша» — «Белый генерал» и небольшое вступление, предваряющее отрывки из путевых записей русского художника В. Верещагина «От Оренбурга до Ташкента», напечатанные в 3-м номере «Звезды Востока», оставили в моей душе тяжелый осадок. Потому что эти публикации пытаются представить генерала М. Скобелева — карателя, яркого проводника колонизаторской политики царской России, и художника В. Верещагина — апологета этой политики — «подвижниками», «добрейшими и великодушными людьми», «образцами истинных русских интеллигентов», что противоречит правде. «А правда, — как писал великий русский писатель Ф. М. Достоевский, — превыше России». А коли так, то я вынужден буду остановиться на тех сторонах деятельности этих двух личностей, которые остались вне поля зрения М. Попова, и прокомментировать отдельные моменты этих публикаций.

«Вклад» двух этих личностей в историю Средней Азии мне хорошо известен, так как я изучаю их «деятельность» на протяжении многих лет. Посвятил Верещагину стихотворение. С большими купюрами оно даже увидело свет. Говорю со всей открытостью, я далек от мысли, что нужно запретить писать и публиковать статьи о Скобелеве, а тем более о Верещагине. Я лишь сторонник того, чтобы при этом руководствовались правдой.

Меня всерьез тревожит то обстоятельство, что день ото дня множится число произведений, искажающих историческую правду. За примерами далеко ходить не надо: рассказ В. Пикуля «Открывай ворота, Хива!», повесть А. Горбовского и Ю. Семёнова «Без единого выстрела», баллада Ю. Кузнецова, посвященная взятию Скобелевым Геоктепинской крепости, — все они пропагандируют идеи великодержавного

шовинизма, оскорбляют патриотические чувства народов Средней Азии, принижают и всячески поносят национальных героев.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов в своем докладе на пленуме Союза писателей Казахстана сказал следующее: «Стало чуть ли не нормой в иных романах, говоря о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии к России, умалчивать о негативной стороне этого предприятия, называвшегося колонизацией».

И в силу этого, пока во всеуслышание не будет сказана правда о колонизации Средней Азии царской Россией, пока не прольется свет наших очей на то жестокое притеснение в прошлом, о котором поется в песнях наших дедов, до тех пор будет существовать доставшаяся от колониального прошлого национальная рознь, вместо дружбы и взаимопонимания».

Мы люди здравомыслящие, мы понимаем, что русский народ не виновен в случившемся, вся ответственность за ведение колониальной политики царской России ложится на правящие круги той поры и на деятелей, подобных Скобелеву. Я приведу очень уместные здесь слова великого русского демократа А. И. Герцена: «Все те, которые не умеют отделить русское правительство от русского народа, ничего не понимают».

М. Попов, пытающийся изобразить душителя свободы и палача народов Средней Азии Скобелева защитником интересов русского народа, чуть ли не национальным героем, игнорирует эту аксиому.

В последнее время возросло число сторонников великодержавной политики царской России, утверждающих, что после завоевания Туркестана «в краю начался подлинный прогресс». Что ж, попытаемся и мы найти ответ на вопрос: ставила ли Россия своей целью при завоевании Туркестана привести этот край к процветанию?

Общеизвестно, каким неоценимым вкладом в человеческий прогресс была культура народов Средней Азии, что не без оснований этот регион рассматривается как одна из колыбелей мировой цивилизации. Край дал миру Аль Фараби, Аль Фергони, Аль Хорезми, Беруни, Улугбека, Абу Али ибн Сино, Навои, Джамии, Бабура и других великих мыслителей, да и в недалеком прошлом, до русского завоевания, он отличался самобытной культурой, искусством, литературой и наукой. Поэтому сегодня мы должны, наконец, дать соответствующую оценку данным переписи населения от 1897 года, утверждавшим, что 99,5 процента таджиков, 99,4 — киргизов, 99,3 — туркмен, 98,4 — узбеков, 97,9 — казахов — были безграмотны. До сих пор ни в одном из источников не встречалась оговорка, что эти данные — по охвату детей местных национальностей русско-туземными школами. Тогда как молодежь, обучающаяся в старых школах, медресе, девушки, получающие образование на дому, «в счет» не бралось. А ведь в том самом 1897 году в Самарканде, наряду с одной-единственной русско-туземной школой, открытой царскими властями, было 21 медресе, 83 школы, а в Бухаре, как свидетельствуют исторические источники, было более ста медресе. Хотя бы поэтому пора прекратить бездумное цитирование нелепого вывода, приведенного в журнале «Вестник воспитания» за 1900 год: «Для ликвидации неграмотности населения Средней Азии и Казахстана понадобится 4600 лет».

По данным статьи, недавно опубликованной в журнале «Фан ва турмуш», примерно половина населения того времени была грамотной. Интересно было бы сопоставить эти данные с процентом грамотности в самой метрополии.

По свидетельству татарских ученых, после завоевания Туркестана дело просвещения получило в этом краю не прогресс, а регресс. «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни», — засвидетельствовал в своем дневнике Н. А. Куропаткин, будучи генерал-губернатором Туркестана. Какие чувства вызывает у вас это откровение? Так вот, я спрашиваю, по совести ли поступают люди, которые, закрыв глаза на правду, зная, что русско-туземные школы охватывали всего 0,17 процента населения, утверждают тем не менее, что Россия принесла в Среднюю Азию просвещение?

Недавно группа русских писателей устроила демарш, напечатав в газете «Фрунзевец» следующее заявление: «Как ни расценивай факт прихода России в Среднюю Азию, очевидно, что русские избавили край от трех страшных язв: работорговли, неграмотности подавляющего большинства народа, низведения женщины до уровня животного» («Белое солнце пустыни» Юрия Папорова, № 58 от 12 марта 1990 года. Подписи: Вл. Устинов, Г. Резниковский, Ф. Фариди (Ф. Бокорев), Вл. Лещенко, М. Гребенюк, Вл. Стуловский).

Как я говорил уже выше, наследие колониализма невозможно изжить из памяти навсегда; и живучесть промонархических идей в сознании писателей по сей день, попытка обелить царскую политику в Туркестане всеми правдами и неправдами — разве это не свидетельство пережитков великодержавного шовинизма?

В ответ на столь очевидную фальсификацию «заслуг» колониализма у меня напрашивается вопрос: отдают ли русские писатели отчет в том, что дало «освобождение

ние» узбекской женщине? Оно ничуть не изменило условий ее жизни, превратив ее в рабыню на хлопковой плантации.

Специально для русских писателей и тех, кто по-прежнему убежден в благих намерениях империи, приведу следующий преинтересный документ. Это ответ помощника коменданта войск Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Мациевского членам Ташкентского отделения общества востоковедов: «...прочитав Ваши труды по делам Общества востоковедения, приказал передать Вам, что его Превосходительство со всеми вопросами согласен, но главный пункт упущен. Общество должно изучать Восток не для Востока и науки, а для слияния народностей с Россией — обрусения».

Ну что ж, мы нашли ответ на вопрос: «Хотела ли Россия вести завоеванный Туркестан к прогрессу и процветанию?»

Попутно разберемся и с таким вопросом, как прокладка железных дорог в Средней Азии и налаживание новейших видов связи. Для кого эти новшества предназначались и кому должны были служить, Ленин лаконично и красноречиво ответил: «Закаспийская железная дорога открыла Среднюю Азию для капитала».

Что же мы читаем у М. Попова? Вначале он пишет: «В связи с походом в Ахал-Текинский оазис началась постройка первой линии железной дороги от побережья Каспийского моря в глубь туркменских степей. Строилась она по стратегическим мотивам». Чуть дальше, рассказывая о строительстве по инициативе Скобелева телеграфной линии в Ахал-Теке, от Чата до Асхабада, он говорит, что и это строительство «велось в военно-стратегических целях». И вдруг, забывая о «военно-стратегических целях», он пишет: «...объективно это способствовало расширению экономических, культурных связей этого края с государством, выводило его из многовековой изоляции» (!)

Приведу еще одну цитату, которая яснее ясного говорит о том, какие цели преследовала Россия, завоевывая Туркестан: «Тот сундук, из которого мы будем черпать наши богатства, хранится не на Западе, а на Востоке, он зарыт в... среднеазиатских владениях» (З. Кастельская. Из истории Туркестанского края. М., 1980). Недаром Ф. Энгельс назвал Россию «владельцем огромного количества украденной собственности».¹

По формулировке Ленина, основная цель русских колонизаторов была «создание великой капиталистической России», это была захватническая политика «с великодержавной и черносотенной окраской».

«В действительности завоевание Средней Азии было, конечно, типичным актом колониального захвата, предпринятым царизмом в целях удовлетворения интересов зарождавшейся русской буржуазии и дворянско-помещичьей России. Отрицать это или как-либо смягчать, вуалировать неверно и вредно». Завоевание оставалось завоеванием, в результате которого Туркестан стал «колонией чистейшего типа».

Интересно отметить, что некоторые авторы, вполне отдающие отчет в том, что «присоединение Средней Азии к России осуществлялось в результате завоевательных походов царских войск», что «политика царизма принесла новый тяжелый экономический и национальный гнет», «носила грабительский характер и принесла народам Средней Азии нищету и бесправие», в то же время утверждают, что якобы еще до завоевания налицо было «тяготение народных масс к России», и все попытки вооруженного сопротивления царским войскам на местах были не более чем происками феодальной знати, которая «таким образом стремилась использовать классовую борьбу трудящихся масс, направив ее (!) против России».

Это пример упрощенного подхода к делу. Подменять прорусские настроения определенной части населения Туркестана, преимущественно его торговых кругов, «тяготением народных масс к России» и объяснять вооруженное сопротивление на местах только «происками феодальной знати — значит вольно или невольно искажать фактическое положение дел» (Б. Лунин. Научные общества Туркестана. Т., 1962, с. 14).

Такие истории, как А. Аминов, А. Бабаходжиев, которые, не стыдясь, пишут о том, что местное население не оказало стойкого сопротивления русским войскам, клеветают и оскорбляют память тех, кто погиб, защищая свою родину. Они забывают о тех юношах, которые воевали и погибали в неравном бою, женщинах и детях, которые носили защитникам лепешки и воду, о тех, кто взрывал себя вместе с пороховым складом, чтобы не попасть в руки озверевших захватчиков. Они забывают, что после захвата Джизакской крепости русские на нашли там ни одного невредимого защитника, там были только трупы и раненые.

¹ Хотя царская Россия выкачивала из Туркестана огромные прибыли, чиновники-колонизаторы создали легенду, по которой «Туркестан поедал кровные русские миллионы». Легенда, которая действует до сих пор, по мнению З. Кастельской, ни на чем не основана» (З. Д. Кастельская. Из истории Туркестанского края. М., 1980 г., с. 49).

Для того чтобы показать всю сущность и последствия этой завоевательной войны, я хочу привести отрывки из книги «Колониальная революция» Григория Сафарова — видного деятеля русского революционного движения, ставшего в годы революции членом ТурЦИК, погибшего в 1938 году в лагере на Соловках.

«Туркестан был завоеван в собственность, с одной стороны, как этап на пути в Индию, с другой же стороны, сам по себе для русского правительства представлял двойной интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, **как источник государственных доходов и как новый рынок** для продуктов внутреннего производства, и 2) с точки зрения колониальной политики, **как новая область перемещения избытков населения из центральных губерний**. В 1864 году были захвачены Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, в 1865 — Ташкент, в 1867 году была образована Семиреченская область, в 1868 году занят Самарканд, в 1876 году — Ферганская область, в 1884 году — Мерв. Первоначально русский захват носит почти исключительно характер оккупации. «Наш тогдашний уездный начальник (не говоря уже о военном губернаторе), строевой офицер, случайно и то лишь по необходимости превратившийся в администратора, снабженный тогда относительно широкими полномочиями, в глазах народа всецело являл собой прямого заместителя «бека» или «хакима» ханских (!) времен. Население, веками привыкшее подчиняться грубой силе, боялось уездного начальника». (Наливкин. «Туземцы», с. 66). Это свидетельство живого участника завоевания станет более понятным, если вспомнить, с помощью какого кровавого террора совершилось это завоевание. Завоеватели превратили Туркестан в свою вотчину.

...Если первоначальным завоевателем Туркестана выступает уездный начальник, то с течением времени его фигура заслоняется более хищным и ловким представителем господствующей нации, проводником господства великодержавного капитала — торговым комиссионером. Этот проникает глубже полицейского ока, грабит систематичнее обыкновенного казенного взяточника, душит упорнее, чем простой Угрюм-Бурчев... Состоит он преимущественно из русских и европейцев вообще...

Развитие хлопководства вызвало резкое классовое расслоение в мусульманской деревне и старом городе, выдвинуло аристократию в качестве проводника торгово-ростовщического капитализма и установило **диктатуру русского великодержавного капитала** над хозяйственной жизнью туземного общества... В общей картине промышленного производства Туркестана обработка волокнистых веществ занимала главное место, и это опять-таки должно было обуславливать господство русских на верхах и низкий жизненный уровень туземных рабочих масс в промышленности Туркестана вообще..

Если, с одной стороны, Россия стремилась использовать Туркестан как рынок для скупки сырья и сбыта изделий промышленного производства, то, с другой стороны, целью ее захватной политики была **колонизация** Туркестана «излишками» земледельческого населения центральных губерний.

Этого требовали не только экономические, но и политические интересы полубуржуазной, полукрепостнической системы. Переселение в Туркестан достигает особенно высоких размеров после поражения революции 1905 — 1907 года, и главный контингент переселенцев составляют крестьяне бунтовавших губерний юга России. Здесь они быстро из эксплуатируемых превращаются в эксплуататоров-помещиков, сидящих на киргизской земле; из представителей угнетенной национальности украинцев в носителей великодержавного, «истинно русского» гнета по отношению к киргизскому населению. В их лице царизм создает себе живую опору для своего колониального господства. Жертвой колониального грабежа, естественно, является кочевое, главным образом, киргизское население... Наконец, его культурная отсталость и бесправие облегчают захват его собственности. «Все земли Туркестанского края до утверждения в его пределах русского владычества признавались собственностью ханов. **Вследствие этого (!)** при определении прав туземного населения на землю составители «Туркестанского и Степного Положений» постановили **считать всю территорию вновь приобретенного края** временно, впредь до поземельного устройства его, изъятой из частной собственности и оставить за туземным населением лишь право бессрочного общественного пользования землей на основании действующих обычаев» (Переселенческое дело в Туркестане, 1910 г., с. 39). Эта преемственность между русско-самодержавным управлением и ханским владычеством поистине замечательна. Русский царизм в Туркестане не на словах, а на деле доказал, что является прямым наследником Чингизхана!..

В Туркестан российское самодержавие перенесло в готовом виде свой административно-полицейский аппарат, несколько преобразовав его «в соответствии с местными особенностями», в смысле более последовательного проведения «домостройного принципа»: наверху — генерал-губернатор, за ним — губернаторы по областям, ниже — уездные начальники. Так же, как и в России, царское правительство долгое время поддерживало общину, используя ее как полицейско-фискальный аппарат; здесь оно оста-

вило в неприкосновенности на низших ступенях «местное самоуправление» в виде волостных управителей, сельских старост — «думов» и народных судей — «казиев». Русский хлопчатобумажный и торговый капитал сделал бая проводником своего влияния в мусульманском кишлаке — российское самодержавие сделало его охранителем великодержавных прав русской нации. Само собой разумеется, что сюда сплавлялись все отбросы резервной армии российской дворянской и служилой бюрократии. Здесь они находили широчайшее раздолье для личного произвола, самого беззастенчивого и дикого грабежа, взятки и насилий без конца и предела. Все русское жило здесь и воспитывалось в сознании того, что коренное население Туркестана не люди, а рабочий скот, который нужно бить, грабить, насиловать. Недаром же в этой стране бесправия сложилась характерная песня:

Эх, ты, Азия печальная,
Безответная страна —
И с начальством безначальная,
И с богатствами бедна.

Здесь каждый рядовой русский полицейский брал деньгами и натурой вплоть до чужих жен, — сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно все преступления прикрывались благодетельным начальством!

Здесь обогащались, как в сказке. Захватывали у туземной бедноты любой участок земли с постройками на том основании, что ... по шариату «тот, кто оживит землю, владеет ею». (См. Ильин. В далеком краю (роман), 1913, Ташкент). Здесь не было границ «истинно русской подлости».

...Усмирение было чудовищным по своей жестокости. Резали и стреляли без числа женщин, детей, стариков. Потоки крови смешались с грязью разрушаемых глинобитных стен.

Любой русский жулик при достаточном запасе наглости и оборотливости мог делать в Туркестане все, что ему угодно... В числе прочего, царское правительство занялось здесь русификацией. Черносотенные «миссионеры» Остроумовы и губернаторы Лыкошины обращали «нехристей» в православие и учили думать и чувствовать по-русски.

...Можно с полным правом утверждать, что от одной трети до половины всего русского населения Туркестана составляют профессионально-паразитические сословия — дворяне, чиновники, духовенство и купцы. Если к ним присоединить еще кулацкую часть крестьянского и казачьего сословий, то окажется, что большинство пришлового русского населения принадлежало к эксплуататорским группам разных степеней и рангов. Это и была **живая сила колониального аппарата** российского самодержавия и великодержавного капитала: она «смещала» киргизов с их земель, командовала угнетенными нациями Туркестана, брала взятки, обмеривала, обвешивала, торговала, ссужала деньги, скупала хлопок, грабила, душила, усмиряла. Она непосредственно опиралась на штыки русской оккупационной армии. Ей принадлежало управление краем и руководство экономической жизнью. Она группировала вокруг себя отбросы туземного общества — переводчиков, подпольных адвокатов, спекулянтов, туземных полицейских. Ее опорными стратегическими пунктами были новые города, состоявшие почти сплошь из казарм, чиновничьих канцелярий, казенных квартир и лавок. Железная дорога, русские поселки и казачьи поселения, врезавшиеся клином «на прусский манер» во владения коренного населения. Такова была общественная основа колониального гнета и колониальной эксплуатации в Туркестане».¹

Учебники истории рисуют однобокую картину. Нашествия немецких, шведских, польских феодалов в Россию ужасны. Последствия этих войн, разумеется, чудовищны. Ну а походы царского воинства в Сибирь, Среднюю Азию, на Кавказ, в Прибалтику? Ясно, что они были продиктованы не интересами русского народа, а имперскими амбициями. Так как же — покорение, завоевание или присоединение к «матушке» территорий дружественных, а то и родственных народов, для их собственного блага? Что это было, если пришлые эксплуататоры не только трудовой народ, но и местных эксплуататоров подчиняли своей воле? Действительно ли, как писал один историк, «чванливая, злобная, свирепая, нечистоплотная, и вороватая, трусливая (местная) знать была недостойна господствовать над народом, который шел по пути развития». Действительно ли пришлые захватчики, которые потопили в крови народ, который шел по пути развития, были нечванливыми, незлобивыми, чистоплотными, честными и смелыми?

Вопросы эти ставятся не для того, чтобы оскорбить русский народ, которого мы

¹ Григорий Сафаров. Колониальная революция. (Опыт Туркестана.) Государственное издательство. 1921 г.

умеем отделять от «шайки разбойников со слабоумным царем во главе». Империалисты Запада в Африке, Индии и прочих колониях тоже подчиняли, покоряли не только плеbs, массы, но и знать — князиков и феодалов, угнетавших собственный народ, свое же племя. Во имя прогресса велись эти захваты? Можно ли назвать такую политику прогрессивной лишь потому, что пришельцы выступали против жутких туземных обычаев — ну, скажем, человеческих жертвоприношений или работорговли?

Социально-экономическая общность народов СССР исторически сложилась не путем сближения трудящихся разных национальностей, а в результате агрессивной политики российского империализма. Забывать об этом негоже, а полагать, что это никак не сказалось на развитии многонациональной страны, наивно. Лишь реакционнейшие геополитики находят оправдание «естественному праву» сплоченного в державу великого народа захватывать новые земли до тех пор, пока на его пути не встанет неодолимая преграда — море, горы или другой, до зубов вооруженный народ.

Как только не оправдывали наши горе-историки завоевание Туркестанского края. Один писал, что «это даже был, по сути, единственный благоприятный выход для среднеазиатских народов в существующей политической обстановке, который давал надежду на более или менее близкое освобождение от национально-колониального гнета». Другой писал, что «Средней Азии, несомненно, было выгоднее войти в состав России, которая шла навстречу революции», третий декларировал: «Присоединение Средней Азии к России — более могущественному и экономически более развитому государству — оказало положительное ускоряющее влияние на ход социально-экономического развития края». Нам известны мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что капиталистической России, как, скажем, и Англии и Индии, предстояло выполнить «двойную миссию: разрушительную и созидательную, с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного (капиталистического) общества в Азии». Вторую свою миссию Россия не смогла выполнить — Средняя Азия до сих пор остается аграрно-сырьевым регионом.

Маркс и Энгельс отнюдь не превозносили внешнюю политику русского самодержавия, как хотя бы преподнесли многие историки. Наверное, потому не нашлось места «Тайной истории дипломатии XVIII века» в 50-томном собрании сочинений на русском языке, что в ней Маркс трактует историю России не так, как советская — марксистская — историческая наука.

Десятилетиями, после провозглашения Сталина «отцом русской истории», у нас идеализируются русские цари, князья, полководцы. Ладно бы в трудах официальных историков. Пропаганде этой идеализации служат и учебники, и кинофильмы, и популярная литература — все, что непосредственно воздействует на массовое сознание. Недавно вышла книга В. В. Каргалова «Полководцы X—XI вв.», где среди прочих прославляются «подвиги» Ермака — завоевателя и душителя многих сибирских народов.

Парадокс: сопротивление туземцев Африки, Америки и Азии европейским колонизаторам, даже если оно возглавлялось местными князьями-угнетателями, подается сочувственно, и с диаметрально противоположных позиций, а любое сопротивление народов, подпавших под гнет царской России, — подвергается хуле и очернительству. Наши историки, и об этом пора сказать напрямик, до последнего времени неизменно демонстрировали (а такие, как М. Попов и группа русских писателей, продолжают и по сей день демонстрировать) прямо-таки сыновнее пристрастие к царизму, изображая двуглавого орла в виде некоего ангела-хранителя, посвящавшего себя исключительно благотворительным деяниям ради процветания подвластных ему народов. Они проявили к самодержавию столь беззаветную любовь, что становился непонятным, почему же оно все-таки оказалось свергнутым и почему оказался предпочтительным другой путь. Многие русские и узбекские историки уже советской формации, эти «твердокаменные марксисты», договорились до того, что Средняя Азия не была заживо распорота, скована и прибрана к рукам, нет, она была просто-напросто... присоединена. Какие невинные слова! Тут уж недалеко и до воспевания царя-батюшки (до словословий генералу-палачу Скобелеву уже дошли), который, как и подобает заботливому родителю, не спит ночами, волнуясь за тяжкую участь угнетенных среднеазиатских народов, думая о его освобождении.

Но историки — одно, а история — совсем другое. Она вершится даже тогда, когда не происходит ничего такого, что летописец счел бы нужным зафиксировать для потомков. История совершается даже тогда, когда историк лжесвидетельствует. В интервью газете «Известия» (от 28 марта 1988 г.) Расул Гамзатов, размышляя о судьбе своей «малой родины», говорит: «В прошлом веке лучшие люди России с сочувствием следили за сопротивлением горцев. Сегодня в Дагестане, по указанию местного начальства, тщетно разыскивают факты, которые подтвердили бы... добровольное присоединение к России».

В нашей историографии за среднеазиатскими народами не признается даже право иметь национальное самосознание или его проблесков. В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, когда все народности Российской империи пробудились

к борьбе за национальное освобождение, среднеазиатцы, оказывается, тоже позволили эту «историческую слабость». В течение многих десятилетий умалчиваются события 1916 года — восстание народов края против русского самодержавия. Даже в год семидесятилетия восстания — в 1986 году, в печати не появилось ни одной статьи, посвященной этому великому событию. Это необъективно, оскорбительно и оправдано лишь в том случае, если от души полагать, что все русское изначально прогрессивно.

«Современная политика, — писал О. Сулейменов в газете «Правда», — вырастает из истории, воспитывается ею. Поэтому, когда мы говорим о межнациональных отношениях, о проблемах нашей федерации, то, безусловно, не можем обойти этот фундаментальный фактор. Корни наших нынешних социальных бед — это, так сказать, нездоровый сосуд из региональной историографии. Ведь истории СССР как таковой у нас не было. Просто слегка подправленная история России стала называться по-новому».

«Не знаю ни одной религии, — заметил далее О. Сулейменов, — которая бы записала на своих скрижалях: возвышайся, унижая других. Хотя в действиях вероучений, политических направлений очень часто именно это и проявлялось. В искусстве, в литературе, в историографии — и подавно. Поднимая свой народ, унижают другие. Пока эта не прекращающаяся тенденция не разоблачена, история продолжает оставаться источником пещерного эгоцентризма. Думаю, что в борьбе с этим принципом культура обретет себя. Да и личность. Печальным результатом практики самовозвышения за счет других стали некоторые сегодняшние социальные проявления. Историография — мировоззренческая наука, она формирует сознание».

А теперь вернемся к личности Скобелева, которую так высоко превозносит М. Попов.

Генерал Скобелев, член той шайки, которая, по словам Энгельса, «с железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы... шагая через миллионы солдатских трупов, содействовала... расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу до Прута, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса (Амударья) и Яксарта (Сырдарья)». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 22, с. 15).

Обращаясь к произведению, в котором Скобелев представлен как национальный герой, Олжас Сулейменов сказал следующее: «О нем написано много в дореволюционной России и потом, в белой эмиграции. Сейчас зарубежная печать время от времени касается этого имени, когда речь заходит о советских Среднеазиатских республиках. Наиболее полно изложена судьба Скобелева в большой книге Николая Кнорринга, вышедшей в Париже. И удивительно то, что книга эмигранта более объективно и всесторонне изображает события той эпохи и обнаруживает более диалектический, я бы сказал, даже «марксистский» подход к истории, нежели произведения советских авторов на ту же тему. Генерал Скобелев — блестящий полководец, человек большого личного обаяния, автор лозунга «Славянам править миром, а славянами править России». Целью его жизни был захват восточных колоний Англии, прежде всего Индии. Средняя Азия нужна как плацдарм для проникновения в Иран, Афганистан. Царь Александр II поддерживал этот авантюрный план. Первый пункт программы Скобелев выполнил блестяще, утопив в крови Мангышлак и Туркмению».

И только бомба народовольца, оборвавшая жизнь Александра II, помешала ему приступить к следующим действиям.

Эта бомба спасла Россию от войны с Англией.

Александр III отверг план Скобелева. И карьера генерала закатилась.

Фигура по-своему, безусловно, трагическая, достойная внимания писателей. Но, проливая слезы над его личной судьбой, мы не должны забывать о той стороне его общественной деятельности, которая вызвала гнев и осуждение всей прогрессивной России. Нас не может обмануть популярность Скобелева в обывательских, черносотенных кругах мещанской Москвы. Пролетарский Петербург и передовая интеллигенция не принимали Скобелева.

...Отвлекаясь от исторической реальности, мы, повторяю, задним числом, по прошествии многих лет после тех кровавых событий, вырываем отдельные фигуры из той среды и судим их, или возвеличиваем.

Воспевая Ермака, порицая Кучума, слагая оды Скобелеву и Перовскому, разглаживая о приятных манерах генералов Колпаковского и Кауфмана, мы как-то начинаем забывать о тысячах сожженных и растоптанных карателями аулах. Требуя от тех ханов или кедеев (бедняков), кто погибал под казачьими шапками, немедленного понимания всех прогрессивных последствий этой кампании, иные писатели проявляют глубокое непонимание процессов истории.

Прошлое, проклятое прошлое гнездится в закоулках души, на сгибах карт. Оно доходит до новых поколений со старыми песками. Оно — в уцелевших царских, генеральских названиях городов и сел. Оно пыльным цветом распускается там, где пассивен

ученый и невежествен критик». (Олжас Сулейменов. «Портить отношения». Доклад на пленуме правления Союза писателей Казахстана. Январь 1972 года).

Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882) следует по стопам своего отца и деда, посвящая себя военной карьере. Родился в Петербурге. Получил вначале домашнее образование, затем воспитывался в Париже, в частном пансионе Дезидерия Жирарде. В 1861 году поступил в Петербургский университет. Но буквально через месяц был исключен из него за участие в беспорядках. После этого поступает юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году производится в корнеты. В том же году начинается восстание польского народа против самодержавия. Честолюбивый корнет, почуяв запах крови, берет отпуск и едет к месту службы отца, в Польшу. По дороге он вливается в войска, спешащие на подавление восстания. Там, в Польше, он открывает свой кровавый счет, хладнокровно и жестоко расправляясь с восставшими. И только после этого, вернувшись из «отпуска», он получает направление в военную часть, расквартированную в Гродно.

М. Попов ни словом не обмолвился о «польских подвигах» своего героя, ни слова в защиту польского народа, боровшегося за свою независимость. О том, как царская Россия потопила его в крови. Что история сохранила нам имена сотен честных русских людей, боровшихся, в отличие от Скобелева, на стороне восставших. А. И. Герцен писал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию... Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих». Неужели М. Попов ничего об этом не знает? Какой оценки заслуживает позиция человека, закрывшего глаза на правду и создающего образ «национального героя»?

По окончании Академии Генерального Штаба Скобелев просит назначения в Среднюю Азию. Потому что там тоже льется кровь. Однако в Туркестане имел место случай, который чуть было не перечеркнул всю будущую блестящую карьеру молодого штаб-ротмистра. Поскольку неудачи «героя» остаются вне поля зрения М. Попова, я остановлюсь на этом подробно. Кстати, приоткроется здесь и лицо В. Верещагина, этого истинного интеллигента и подвижника.

1 мая 1868 года другой захватчик — генерал фон Кауфман подверг Самарканд массированному пушечному обстрелу, после чего город был взят. Через месяц после захвата русские войска вышли из города и взяли направление на Каттакурган. В ту же ночь (с 30 мая на 1 июня) в городе вспыхнуло восстание. Весть о восстании дошла до захватчиков 3 июня, когда они вели жаркий бой с бухарцами неподалеку от Зирабулака. Фон Кауфман, боясь западни, повел жестокие бои, победил войска эмира Бухарского и сделал стремительный бросок к Самарканду. 8 июня, когда Кауфман входил в Самарканд, ему навстречу вышли старейшины, моля о пощаде. Послов прогнали. Кауфман приказал держать город под пушечным обстрелом и сжечь его дотла. 9 июня в городе началась беспощадная резня, которая продолжалась три дня. Сотни людей без суда и следствия расстреливались на месте. Один из активных участников этих событий — художник В. Верещагин — в своих записях открывает свое истинное лицо: «Как теперь вижу генерала Кауфмана на нашем дворе, творящего... суд и расправу над разным людом... Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле и, куря папиросу, совершенно беспристрастно произносил: «расстрелять, расстрелять, расстрелять». (История СССР. М., 1940, т. 11, с. 549).

А В. Верещагин рисовал сцены расстрела, истязаний, хвастался в петербургских салонах своими подвигами: «Я рисовал повешенных с натуры, когда их тела еще агонизировали», «...я скинул одного муллавачу с минарета». Не укладывается в сознании, что душа художника, как правило, тонкая и взыскующая правды, в случае с Верещагиным, наоборот, была носителем зла. Что предсмертные муки повешенных, плач расстреливаемых женщин, убийство детей на глазах у матерей не вызывали в его сердце сострадания, не пробуждали чувства осуждения палачей, напротив, рождали восхищение «добрейшим» Константином Петровичем, творящим суд и расправу. В небольшом вступлении к путевым записям В. Верещагина говорится, что «Верещагин-художник и Верещагин-писатель шли рука об руку». Это не вся правда. Мне думается, для всей полноты правды стоило бы написать: «Верещагин-художник, Верещагин-писатель и Верещагин-завоеватель шли рука об руку». А к словам, «он владел не только кистью, но и пером», я бы добавил еще «он владел ружьем и штыком». Еще бы я очень хотел, чтобы путевые записи Верещагина были напечатаны полностью: те отрывки, что напечатаны в журнале, не отражают зловещей сути этой одиозной фигуры.

Однако кровавая расправа над восставшими не погасила в сердце народа жажды свободы. То там, то здесь занимались народные восстания. Самым значительным, представляющим серьезную опасность для колонизаторов, было восстание, возглавленное Бобоном.

Народное восстание под руководством Бобона Алибая-углы началось в октябре 1869 года, постепенно в себя вобрало населенные пункты по течению Зарафшана, бекства Зияуддин и Хатирчи, входившие в Бухарский эмират, вплоть до подчиненных

России кишлаков Зарафшанского округа. В течение двух месяцев отряд повстанцев из 18 человек увеличился до 500.

Начальник Каттакурганского отдела капитан Борзенков в своем рапорте от 16 октября 1869 года за № 440 писал, что в настоящее время отряд Бобона имеет около 40 вооруженных людей и их ряды беспрерывно увеличиваются. Капитан просил у Абрамова разрешения «отправить бухарских подданных в Зияддин для осуждения к тамошнему беку; нашего же подданного Худайберды, как неисправимого разбойника, необходимо сослать административным порядком в Сибирь или в арестантские роты».

В начале декабря 1869 года к отряду Бобона присоединилась другая группа повстанцев во главе с Хайдаркулом.

Генерал Терентьев — ярый сторонник захватнической политики царской России — в своем труде «История завоевания Средней Азии» о причинах народного движения под предводительством Бобона с нескрываемым цинизмом пишет следующее: «Неурядица последнего года, долгое отсутствие эмира с войсками, в связи с политической распушенностью его народа, склонного поддерживать каждого претендента на независимость, породили междоусобия, взаимные грабежи и разбойничество. Особенно отличилась шайка некоего Бабана, грабившая на огромном пространстве между Джамом и Каттакурганом...» (Т. С. Саидкулов. Самарканд во второй половине XIX — начале XX веков. С., 1970).

Генерал-грабитель и капитан-захватчик, хозяйничающие на чужой земле, называют представителей угнетенного народа, борющихся против этого порабощения, «грабителями», «разбойниками». Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Личности, подобные генералу Терентьеву, — сторонники великодержавной политики в пору колонизации Туркестана, придумали народным движениям и их руководителям, борющимся за независимость края, политические ярлыки. О том, что расхожие политические термины «панисламизм» и «пантюркизм» были придуманы в высоких кабинетах царских канцелярий, подтверждается сегодня большим количеством исторических документов. «Пожелания о принятии в качестве самоназвания народа слова тюрки было интерпретировано как появление и распространение среди татарских (и др. тюркоязычных — Х. Д.) народных масс пантюркистской идеологии». Путем такой вот эквилибристики с названиями тюрки-тюрки был придуман в царских салонах жупел «пантюркизма», служивший, как отмечает профессор Р. И. Нафигов, «для отвлечения народных масс от социальных проблем, от революции, для сохранения господства путем натравливания одних народов на другие» (Р. И. Нафигов. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964, с. 53).

С придуманным жупелом и началась «борьба». Была создана широкоразветвленная сеть жандармских и тайных агентов, которым поручена фабрикация «доказательств» о якобы растущем... пантюркистском движении. К этой работе были привлечены государственные учреждения, органы цензуры, печати, школьные инспекции... Все это оказалось по сердцу и православным миссионерам, которые добровольно и активно включились в «разоблачение» пантюркизма и свои неудачи в политике христианизации начали объяснять его проделками. Не остались в стороне от борьбы и разные обнищавшие графы и бароны, даже пьяные сапожники, люди дна, поскольку это им давало хлеб и политический капитал. И начали строчить доносы, в первую очередь на татарских (не только татарских — Х. Д.) социал-демократов, прогрессивных издателей, писателей, учителей, журналистов, на благотворительные общества, мектебе и медресе. Борьба всех этих сил и движений за национальное и социальное освобождение, за реформу школ, языка выдавалась и освещалась как растущее среди татар грозное «пантюркистское движение». И вся официозная печать, органы «великодержавных патриотов», миссионеров начали бить в колокола об угрозе престолу, православной церкви, великой неделимой Руси, идущей якобы от растущего... пантюркистского движения.

Поскольку татары являлись мусульманами, выдвигалось предложение называть народ «мусульмане». И оно, как и предложение принять название «тюрки», было истолковано в выгодном царизму, его политике натравливания народов смысле — как явление панисламизма. И с этого времени панисламизм наряду с пантюркизмом объявляется как якобы всенародное движение среди татар (А. Каримуллин. Татары: этнос и этноним. Казань, 1988, с. 71—72).

Эти обвинения с новой силой обрушились на головы представителей тюркоязычных народов в 30-е годы нашего века, они опять сослужили службу великодержавной политике. Именно в те годы погибли самые выдающиеся представители узбекской интеллигенции: Фитрат, Кадыри, Чулпан, Усман Насир, Боту и многие другие. Самое ужасное, что и сегодня многие сторонники такой политики пытаются пользоваться практикой навешивания ярлыков.

Продолжим рассказ о Скобелеве. Напуганный размахом народного движения, генерал-губернатор Зарафшанского округа Абрамов потребовал срочной помощи

у фон Кауфмана. Вот для этих целей и был призван в Самарканд штаб-ротмистр Скобелев. С согласия фон Кауфмана генерал Абрамов в срочном порядке формирует для подавления восстания карательный отряд во главе со Скобелевым.

Первое столкновение карательного отряда с восставшими произошло в окрестностях кишлака Чоршанбе под Каттакурганом. Этот бой мог быть для Скобелева последним. Каратели понесли большие потери. Среди русских военных, хозяйничавших в Туркестане, это вызвало возмущение. Они стали требовать, чтобы повинные в этом позоре были жестоко наказаны. Поэтому фон Кауфман был вынужден создать государственную комиссию, которая составила докладную «О предосудительном поведении численного генеральному штабу штаб-ротмистра Скобелева у Чоршанбе». Лишь приближенность его отца к царю спасла Скобелева от жестокого наказания.

М. Попов, претендующий на роль биографа Скобелева, ни словом не обмолвился о том поражении, которое потерпели отборные казачьи части, закаленные в огне боев, возглавляемые «прославленным полководцем». Они были разбиты небольшим узбекским отрядом, который возглавлял не профессиональный военный, а смелый узбекский джигит.

Вот за этот свой позор Скобелев мстил туркестанцам всю жизнь, обагрив свой меч в крови, не щадя ни детей, ни стариков. Стал палачом, и убийство для него было обыденным делом.

Штаб-ротмистр, «посрамивший честь офицера Великой Российской империи», не прослужив в Туркестане и года, был переведен на Кавказ, в Закаспийский военный отдел с центром в Красноводске, который специализировался на захвате земель туркменских племен. Когда Скобелев прибыл к месту назначения, там уже форсировалась подготовка к походу на Хиву. Алчная рука России уже была занесена над Хивой, нужен был только повод. И вот последнее слово было сказано. Войска выступили в направлении Хивы.

М. Попов глубоко не изучал исторических источников и по этой причине допустил ряд неточностей и ошибок. Это особенно бросается в глаза при описании событий в Хиве, Коканде и Геок-тепе. Так, он пишет: «Одновременно туда двинулись два отряда: из Ташкента под начальством генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана и из Оренбурга и Мангышлака под руководством генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина».

Тогда как на странице 183 тома 73 энциклопедического словаря Брокгауза-Эфрона написано: в 1873 году под общим начальством фон Кауфмана было сформировано четыре отряда: Туркестанский, Красноводский, Мангышлакский и Оренбургский. 13 000 человек, 4 600 лошадей, 20 000 верблюдов в конце февраля — начале марта тремя колоннами выступили из Джизака, Казалинска, с берегов Каспийского моря. Из отрядов не дошел только Красноводский. Соединившись, отряды подошли к Хиве в конце мая».

События в очерке М. Попова разворачиваются так, что, будь то в Хиве, будь то в Геок-тепе, везде и всюду по «безобидным» русским открывают огонь. словно речь идет о людях, прибывших на экскурсию, которых надо встречать с радостью, «28 мая штурмовые колонны приблизились к стенам города,— пишет М. Попов,— но штурм не произошло. Хивинцы стреляли по русским из своих крепостных пушек, русские отвечали им ружейным огнем».

Несмотря на то, что энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона был издан в царское время, в точности и честности ему не отказать, вот в нем засвидетельствовано: «28 мая часть войск оренбургско-мангышлакского отряда под начальством генерала Н. В. Веревкина подошли к городу Хива и овладели завалом, открыли огонь по городу. В городе началась паника...»

И в дальнейшем, излагая события, М. Попов дописывает подвиги Скобелева и других колонизаторов, для этого пользуется подлогом. Как известно из большинства исторических источников, после того, как Хива была обстреляна русскими из пушек, правитель ханства Саид Мухаммад Рахимхан (кстати, он был талантливым поэтом, писавшим газели под псевдонимом «Фируз»), не желая кровопролития, посылает к фон Кауфману депутацию, через которую передает, что городские ворота будут открыты без боя. Вот что сообщает энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона: «Хан решил, не дожидаясь штурма, сдать город и выслал депутацию к фон Кауфману с изъявлением покорности... Таким образом Хива была занята войсками Оренбургского отряда со стороны Сарыкупрука, с Шах-Абадских ворот, в то время когда с другой стороны фон Кауфман во главе Туркестанского отряда и части Оренбургского готовились к торжественному, беспрепятственному входу в город».

Скобелев, недовольный мирным захватом города, точнее, тем, что кровопролития на этот раз не предвиделось, отдал приказ сбить одни из хивинских ворот пушечными выстрелами и во главе тысячного войска ворвался в город, завязал бой, в результате которого обе стороны понесли немалые потери.

Узнав об этих кровавых событиях, фон Кауфман был разгневан. Однако наказать офицера-фаворита не решился — палачу и на этот раз удалось выйти сухим из воды.

Царь Александр III награждал своего любимчика золотой саблей «За храбрость», крестом святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Сабля была усыпана бриллиантами. И сабля и крест обагрены кровью мирных хивинцев и простых русских солдат.

Кровожадность Скобелева, его беспредельная жестокость проявились при взятии Коканда и при подавлении народного восстания под руководством Пулатхана. Участники восстания выступали не только против местных угнетателей, но и против царских колонизаторов, защищая свою родину. Восстание имело народный характер. Так, генерал Куропаткин писал в докладе высшему командованию: «Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить... бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств».

М. Попов, как и прежде, жестокость Скобелева выдает за «основное правило полководца», «смелые и решительные действия». А вот З. А. Кастельская в книге «Из истории Туркестанского края», рассказывая, как русские войска подавляли народное восстание, пишет следующее: «Войска Скобелева, возглавлявшего карательный отряд, открыли по повстанцам артиллерийский огонь и заставили последних отступить. Скобелев сжег Андижан (истребив при этом 20 тысяч мирных жителей — Х. Д.), уничтожил все кишлаки, расположенные в долине Карадарьи. Но повстанцы не хотели смириться, они не обращали внимания на приказы своих вождей изъять покорность. Плохо вооруженные, они, собираясь отрядами в 800—1000 человек, нападали на регулярные войска, многие из них погибали».

Я рассказываю вам о «подвиге» Скобелева, совершенном им в пору Кокандской экспедиции. Его карательный отряд встретил скитавшуюся по долине Карадарьи группу мирных, загнанных, затравленных людей, покинувших свои разоренные, преданные огню кишлаки. Видя, что эти люди безоружны, слабы, а в основном это были старики и старухи, женщины с детьми, Скобелев тем не менее отдает своим офицерам Наливкину и Ионову — приказ, чтобы они со своими солдатами расправились с мирным населением. Наливкин отказался исполнить этот приказ: «Я офицер и привык воевать с вооруженным противником. Истреблять мирное население мне не позволит моя честь». Тогда Скобелев в ярости пригрозил Ионову, и тот повел солдат на это злодейство. Были зарублены и заколоты все — от стариков до младенцев. И после этого Скобелев начал требовать в самых высоких инстанциях жестокого наказания Наливкину. В результате Наливкин вынужден был подать в отставку.

Вот такие «смелые и решительные действия», как пишет М. Попов, были оценены по заслугам. Когда Кокандское ханство было завоевано, здесь была образована Ферганская область. Первым губернатором области был назначен Скобелев, чья деятельность, по мнению автора очерка, «стала примером вдумчивого, демократичного, гуманного правления». Как хочется сказать: не кощунствуйте, господин М. Попов!

Желая сделать из Скобелева «героя», М. Попов, например, пишет: «Находясь в Туркестане и Туркмении, М. Скобелев немало занимался вопросом возможного похода в Индию для ее освобождения от английского господства» (выделено мною — Х. Д.). Следуя логике М. Попова, любого завоевателя можно переименовать в «освободителя». Тогда можно и Англию, связывавшую свои интересы с Туркестаном, представить как «освободительницу народов Туркестанского края от русского гнета».

Кстати, попытка представить нам Скобелева в ореоле «освободителя Индии» — ложное измышление, которое остается целиком на совести М. Попова. Сам генерал никогда не скрывал своих великодержавных амбиций и говорил открыто, что предполагаемый поход в Индию затевался «для торжества и величия России».

На отповедь напрашивается и следующая цитата из очерка М. Попова: «Лучшим способом привлечь к себе местное население «белый генерал» считал обеспечение его безопасностью под русским государственным флагом».

Приведу фразу из письма Скобелева М. Н. Каткову: «...всю Среднюю Азию можно отдать за прочный и выгодный союз с Англией». И эта фраза говорит мне гораздо больше, чем целые страницы восхвалений в его адрес.

Я опять вынужден остановиться на досадных ошибках, которые допустил М. Попов. Так, он пишет: «кокандский хан Абдурахман». Но мы знаем, это знают и ученики средней школы, что в то время на престоле Кокандского ханства был Худоярхан. А Абдурахман есть Абдурахман Афтобачи, он никогда ханом не был. А был вначале вельможей во дворце хана, когда же поднялось народное восстание, перешел на сторону восставших, когда пришли русские, предал им восставших. Такой это был мерзкий и продажный человек. (Предатель Афтобачи, спасаясь от народного гнева, выехал в Россию, где умер в 1881 году. После его смерти ежегодная пенсия-подачка в три тысячи золотых рублей перешла его жене и дочери. Царизм щедро вознаграждал за предательство.) Может быть, за эти его «неблаговидные заслуги» М. Попов произвел его в ханы? Тогда меня это не удивляет. Но я хочу дать М. Попову совет на тот случай, если он захочет написать еще что-то на исторические темы, пусть держит в уме слова великого историка Ш. Лангла о том, что «история пишется по источникам и по со-

вести». Хотя я хорошо понимаю, что «легче разложить атом, чем предрассудок» (А. Эйнштейн).

Во всей истории с публикацией очерка М. Попова меня удивляет позиция журнала. Какие цели преследовались при этой публикации? В пору обострения межнациональных отношений вдруг на страницах журнала превозносятся палачи среднеазиатских народов, звучат здравицы в их честь.

Многим известно, что один из пригородов Ташкента носит имя генерала Черняева. Может быть, кому-то это кажется «нормальным», но меня лично сильно угнетает. Об этом злодее, который ни в чем не уступал Скобелеву, был прозван русской буржуазией «Ермаком Средней Азии, открывшим нам широкие врата в обширный богатый край», в книге З. Д. Кастельской написано следующее: «Генерал Черняев был ярым шовинистом. В его глазах узбеки, киргизы, кипчаки и другие народы, населявшие Кокандское ханство, были не люди, а «халатники», которых бить следует уже за одни халаты». В древнем Самарканде нет ни одного памятника народным героям, поднявшимся на борьбу с завоевателями, зато гордо красуется над Зарафшаном памятник захватчикам, павшим при штурме города. В Советабадском районе также стоит такой памятник, где написано: «Здесь похоронены чины русского войска, предназначенные для похода в Индию». Одна из улиц Ташкента носит имя художника В. Верещагина, одинаково владевшего и кистью, и пером, и винтовкой, который вдохновлялся агонизирующим телом повешенных. Неужели есть еще люди, убежденные, что таким вот увековечением и делается дружба народов?

Перевод с узбекского З. Хасановой.